DOI: 10.31857/S032103910014832-8

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АДРИАНОВА ВАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

К. С. Данилочкина¹, А. Е. Барышников²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

² *Национальный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

¹*E-mail:* danilochkina-ks@ranepa.ru

² *E-mail:* baryshnikov85@gmail.com

В статье рассматривается современная историография одного из наиболее известных памятников римской Британии — Адрианова вала. В ее развитии можно выделить два основных направления — увеличение корпуса источников в ходе постоянных археологических исследований и концептуальное переосмысление истории римского лимеса в Британии. Авторы обращают внимание на некоторые дискуссионные темы, занимающие важное место в новейших публикациях, в частности на споры об обстоятельствах сооружения и предназначении Адрианова вала. Отдельно рассматриваются попытки реконструировать социокультурную историю пограничных территорий и идентичности его обитателей.

Ключевые слова: Римская Британия, Адрианов вал, лимес, историография римской Британии

RECENT RESEARCH OF HADRIAN'S WALL: PROBLEMS AND STUDIES

Kseniya S. Danilochkina¹, Anton Ye. Baryshnikov²

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

² *Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

¹*E-mail:* danilochkina-ks@ranepa.ru

² *E-mail:* baryshnikov85@gmail.com

² *Acknowledgements:* Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374

Данные об авторах. Ксения Сергеевна Данилочкина — научный сотрудник лаборатории античной культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС; Антон Ералыевич Барышников — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование в части, подготовленной А.Е. Барышниковым, проведено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

The paper addresses historiography of one of the most famous Romano-British monuments, Hadrian's Wall. There are two main developments to be distinguished: an increase in the range of evidence due to continuous archaeological exploration, and the conceptual rethinking of the history of the Roman *limes* in Britain. The authors focus on some of the central debates in the latest publications, especially on the debate concerning the circumstances of the construction and purpose of Hadrian's Wall. Separate attention is paid to the attempts to reconstruct the sociocultural history of the border territories and the identity of their inhabitants.

Keywords: Roman Britain, Hadrian's wall, limes, Romano-British studies

Вал Адриана¹ представляет собой, вероятно, наиболее заметное свидетельство римского присутствия в Британии. Широко известный, легко узнаваемый памятник (точнее говоря, комплекс памятников) неизменно притягивает туристов и оказывает значительное влияние на современную культуру, вдохновляя писателей, поэтов, режиссеров и художников. Нет ничего удивительного, что на протяжении долгого времени история Адрианова вала остается одной из наиболее изучаемых тем в историографии римской Британии². Стоит отметить, что исследования границы самой северной провинции империи не сводятся лишь к изучению фортификационных сооружений. Внимание ученых привлекает целый спектр вопросов, связанных с военными и политическими аспектами существования рубежных территорий, с социально-экономическим и этнокультурным аспектами жизни гарнизона вала и населения приграничных земель³. Обращение к этим вопросам представляется важным не только для понимания римского периода в истории острова, но и для осмысления самого феномена римского империализма.

Современные научные поиски движутся в двух основных направлениях: с одной стороны, регулярные археологические работы увеличивают корпус доступных источников, с другой — происходит процесс интерпретации и концептуализации

¹ Необходимо кратко оговорить терминологические трудности, связанные с изучением Адрианова вала (традиционное название в русскоязычных публикациях; Hadrian's Wall — в британской традиции). Внешне простое (что на русском, что на английском) название порождает некоторую путаницу. В действительности речь идет о сложном комплексе сооружений, который включает стену, разнообразные опорные пункты, ров и вал. Однако к югу от этого комплекса существовала цепь земляных укреплений, которую в англоязычной историографии часто обозначают термином *vallum* (от которого и происходит английское 'wall'; до середины XIX в. этот памятник был также известен под названием 'Agricola's Ditch'). Таким образом, современная русскоязычная работа о римском лимесе в Британии рискует утонуть в схожих понятиях, относящихся к разным памятникам. Чтобы не запутаться в трех валах и одной стене, мы для обозначения главного комплекса сооружений будем использовать понятия «Адрианов вал» и «стена Адриана» (более точное, на наш взгляд) как взаимозаменяемые. Земляные сооружения, расположенные южнее Адрианова вала, в статье будут обозначаться как *vallum*.

² Отметим наиболее актуальные из работ общего характера: Breeze, Dobson 2000; Breeze 2006; Collins, McIntosh 2014; Hodgson 2017.

³ Важную роль в обращении к этим вопросам и выработке новых концептуальных инструментов сыграли книги Чарльза Уиттакера: Whittaker 1994; 2004.

истории Адрианова вала⁴. Ограниченный объем данной заметки делает невозможным сколь-нибудь детальный обзор новейшей историографии Адрианова вала, поэтому мы сосредоточим внимание на некоторых наиболее важных особенностях и тенденциях современных исследований⁵.

Однако перед рассмотрением конкретных сюжетов новейшей историографии Адрианова вала представляется необходимым указать и кратко охарактеризовать важнейшие публикации последних лет, посвященные комплексному изучению провинциальной границы.

К таковым в первую очередь следует отнести книгу Дэвида Бриза и Брайана Добсона⁶. В монографии содержится не только подробное описание отдельных элементов стены, но также скрупулезный анализ различных аспектов материальной культуры гарнизона и приграничных поселений, а также реконструкции возможных событий, происходивших рядом с валом и внутри его укреплений. Особое внимание уделяется свидетельствам (в первую очередь археологическим), помогающим восстановить устройство гарнизонного быта расквартированных на вале частей и жизни местного населения в его окрестностях. Такое внимание к повседневности, как представляется, во многом связано с интересом со стороны широкой аудитории к памятникам северной границы.

В масштабном исследовании Ричарда Хингли рассматриваются различные аспекты бытования самой стены и ее образа в истории⁷. Последний занимает особенно важное место в монографии: стандартные для общих нарративов сюжеты о структуре оборонительной системы и роли стены в жизни провинции имеют второстепенное значение по сравнению с вопросом о том, как образ Адрианова вала трансформировался со временем и как менялось отношение к этому образу и самому памятнику в сознании общества. Хингли подробно рассматривает и анализирует все упоминания стены в литературе и науке от средневековья до современности, отдельно останавливаясь на находках XVIII–XIX вв.

Среди работ, посвященных непосредственному устройству и процессу сооружения стены Адриана, выделяется диссертация Питера Хилла⁸. На данный момент это, вероятно, наиболее подробное исследование технологической истории

⁴ В случае с исследованиями римской Британии и Адрианова вала именно с деятельностью археологов связаны как совершенствование методов исследования (в частности, активное применение новейших достижений естественно-научных дисциплин – из недавних публикаций см. Buck *et al.* 2019; Eckardt *et al.* 2015; Fieber *et al.* 2017), так и внедрение новых теоретических моделей для объяснения прошлого провинции и ее границ (среди наиболее значимых здесь можно указать концепты идентичности и глобализации – см. в том числе Gardner 2007a; Pitts, Versluys 2014).

⁵ Истории изучения археологами, эпиграфистами и историками памятников Адрианова вала посвящено несколько работ, в частности, Wilmott 2009; Breeze 2014; Collins, Symonds 2013; 2019. Для понимания развития историографии Адрианова вала необходимо также учитывать общий историографический контекст изучения пограничных регионов империи. О нем см. Birley 2002a.

⁶ Breeze, Dobson 2000.

⁷ Hingley 2012.

⁸ Hill 2003. В 2006 г. на основе диссертации была издана монография (Hill 2006), представляющая собой сокращенный вариант исходного исследования.

провинциальной системы пограничных укреплений, содержащее детальное описание этапов строительства и анализ материально-технических аспектов, с ним связанных. Стоит заметить, что, несмотря на фундированность и основательность, эта работа не закрывает тему окончательно. Некоторые вопросы, связанные с устройством комплекса оборонительных сооружений, остаются дискуссионными.

Схожим образом можно охарактеризовать общее состояние исследований Адрианова вала. Несмотря на впечатление полной изученности проблемы (не в последнюю очередь создаваемое указанными выше работами), многие вопросы, касающиеся обстоятельств создания, функционального назначения и повседневной жизни северной границы римской Британии, остаются неясными и спорными⁹.

121 или 122 г.? ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И ГИПОТЕЗА ЭРИКА ГРААФСТАЛЯ

Если в случае с периодом завоевания исследователям в целом удалось восстановить абсолютную хронологию событий, то для большей части II в. в нашем распоряжении есть лишь относительные датировки. Они служат основой для установления взаимозависимостей и взаимосвязей между фактами и процессами, известными прежде всего по немым археологическим свидетельствам. Так, изменения официальных границ провинции (и вместе с ними эволюция отношений с пограничным миром) определяются в тесной связи с оккупацией и оставлением римских фортов и вилл¹⁰. Уточнение отдельной детали в привычном нарративе может сыграть важную роль в обновлении наших представлений о жизни на границе римских владений и в провинции вообще. В подобной ситуации не должно удивлять все более заметное стремление исследователей критически переосмыслить уже известные и, казалось бы, твердо установленные факты, касающиеся обстоятельств сооружения и истории Адрианова вала. Одним из таких общепринятых положений является тезис о 122 г. как дате начала строительства сети оборонительных сооружений на севере острова¹¹. Дата, повторяющаяся из публикации в публикацию, кажется точной и окончательно доказанной.

Однако недавняя публикация голландского исследователя Эрика Граафсталя и резонанс, вызванный ее выходом, показывают, что это не так. Граафсталь предпринял попытку уточнения даты создания стены Адриана, а также предположил, что решение о строительстве стены было принято не в 122 г., как все привыкли считать, а как минимум годом ранее¹², поскольку в противном случае сложно было бы организовать логистику и учесть все сложности, связанные с перемещением и размещением легионов. Визит же Адриана в провинцию, с которым обычно связывают само принятие решение о сооружении вала, был продиктован не желанием предварительно оценить возможность столь масштабного проекта на

⁹ Подробнее о различных функциях лимеса см. Breeze 2018.

¹⁰ Иллюстрацией здесь может служить общепринятое мнение об оставлении укреплений по линии Гэск-Риджа в конце I в. н.э.

¹¹ Подобный вывод сделан на основе реконструкции путешествий Адриана и косвенных свидетельств вроде диплома, в котором сообщается дата прибытия нового пропретора Платория Непота в Британию (*CIL XVI. 65*).

¹² Graafstal 2018.

отдаленной границе империи, а необходимостью лично проинспектировать ход уже идущих работ. Подобная трактовка также могла бы объяснить наличие vallum вдоль стены Адриана (подробнее о нем см. ниже). Если гипотеза Граафсталя об обстоятельствах начала сооружения укреплений верна, то перед нами два отдельных проекта, каждый из которых обладал своим функциональным назначением. Стремление же подавляющего большинства исследователей рассматривать vallum и стену в тесной взаимосвязи, как составные части единого замысла, в таком случае оказывается ошибкой ретроспективного взгляда.

Такой подход выглядит интересным и свежим, хотя не представляется в полной мере обоснованным, поскольку связь между vallum и стеной все-таки существует. Попытка строго разделить эти два объекта в историческом контексте не выглядит вполне убедительной. Даже если один из них был построен раньше, при возведении второго должно было каким-то образом учитываться наличие и назначение своего предшественника. Тем не менее работа Граафсталя, выполненная на высоком уровне и во многих своих выводах убедительная, наглядно показывает неоднозначность некоторых общепринятых положений.

Впрочем, полноценный процесс пересмотра привычных взглядов еще не начался: 122 г. по-прежнему указывается в качестве ключевой даты в истории Адрианова вала. Гипотеза Граафсталя может быть первым шагом для обновления устоявшихся представлений о строительстве пограничных укреплений, о взаимодействии центра и приграничных территорий, Рима в лице императора и провинции в лице наместника/пропретора, а также о том, как выстраивалась логистика при выполнении столь масштабных проектов.

ФОРТЫ И ВАЛ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

К проблематике, рассмотренной в работе Граафсталя, примыкает целый ряд частных сюжетов, связанных с сооружением отдельных составных частей стены и дальнейшей их судьбы. Некоторые из них рассмотрены в статье Дэвида Бриза, которая представляет собой обзор основных фортов вдоль стены Адриана и затрагивает проблему их локации и строительства. Рассуждая о назначении укрепленных пунктов вала и вероятной последовательности их сооружения, автор отмечает, что форты не всегда располагались в местах, обеспечивавших наилучшую позицию для обороны. Если античные источники сообщают, что для лучшей защиты необходимо строить форты, которые смотрели бы на восток или обращены к врагу (Veget. I. 23), то для совершения выхода ворота «претериора» должны быть обращены в ту сторону, куда собираются выдвигаться войска. Почти все форты стены обращены на север, за исключением Хаусстедс, Драмбурга, Грейт Честерс и Боунесс. Следовательно, полагает Бриз, в функциональном смысле они (а вместе с ними и сама стена) создавались не только в качестве защиты или обозначения четкой границы провинции, но и как опорные пункты, логистические центры, необходимые для обеспечения войск, готовых к дальнейшим завоеваниям¹³. Подобное наблюдение, однако, не исключает возможности позднейшей перестройки этих фортов, которые стали выполнять логистическую функцию не

¹³ Breeze 2017, 35–36.

по изначальному плану, а с развитием отношений с окружающими племенами и изменениями соотношения сил в приграничье.

Выводы Граафсталя тесно связаны с еще одним важным сюжетом исследований Адрианова вала — так называемым «решением о фортах» (*fort decision* в англоязычной историографии), которым принято обозначать комплекс стратегических решений о создании нового варианта приграничных укреплений и тактическом использовании уже существовавших сооружений¹⁴. Помимо уже указанной работы Граафсталя эта проблема рассматривается в обобщающих (и часто имеющих описательный характер) трудах Института археологии Даремского университета¹⁵. В целом, в новейших публикациях распространено мнение о том, что было подготовлено несколько планов обустройства северной границы провинции; датировки и внутреннее содержание этих планов остаются дискуссионным вопросом. Исследователи не пришли к окончательному пониманию, было ли возведение стены объединением уже существующих фортов или, наоборот, форты встраивали в новую систему¹⁶.

В контексте реконструкции возможных планов римской границы весьма важной оказывается проблема исследования *vallum*. В новейшей историографии предпринимаются попытки определить время его сооружения и найти удовлетворительную интерпретацию его назначения. Так, Бриз указывает, что в связи с отсутствием ясных эпиграфических свидетельств возможна опора лишь на относительную хронологию. Археологические данные (в частности, тот факт, что линия *vallum* огибает форты, расположенные на стене) позволяют исследователю утверждать, что обустройство этой части комплекса происходило уже после решения о строительстве фортов вдоль стены¹⁷. С Бризом (как и с рядом других исследователей предшествующего времени, придерживавшихся той же точки зрения) спорит Хамфри Уэлфейр. Он настаивает на том, что *vallum* являлся частью изначального замысла Адрианова вала. Главным доводом в теоретических построениях Уэлфейра являются данные из Шилд-он-Уолл (*Shield-on-the-Wall*), где хорошо сохранились следы планировки обоих сооружений¹⁸. Впрочем, многие исследователи полагают, что именно в этом месте расположение и итоговый вариант построек не совпадал с изначальным планом и, следовательно, Шилд представлял собой исключение, не подтверждающее правило¹⁹.

Две упомянутые точки зрения — был ли *vallum* частью изначального плана приграничных укреплений или решение о его создании было принято постфактум — задают основное направление современных научных поисков и споров. При этом во многом непонятным представляется само расположение памятника: он сооружен южнее стены и таким образом находится внутри подконтрольной Риму территории (т.е. не представляет один из первых рубежей обороны в отличие от

¹⁴ Graafstal 2018, 84–85.

¹⁵ Например, Symonds, Mason 2009.

¹⁶ Hill 2003, 284–285.

¹⁷ Breeze 2015, 19.

¹⁸ Welfare 2013, 81–99.

¹⁹ Например, Breeze 2015, 19.

обычных римских укреплений подобного рода)²⁰. Это делает не вполне очевидными не только функции vallum, но и общее назначение всех сооружений на границе. Во всяком случае само расположение отдельных частей сложившегося комплекса стена–vallum заставляет усомниться в самой простой (и, казалось бы, самой логичной) интерпретации его характера — защите от внешних угроз.

РАЗДЕЛЯТЬ И ЗАЩИЩАТЬ? ДИСКУССИЯ О НАЗНАЧЕНИИ СТЕНЫ

Поиски ответов на вопросы о назначении стены и vallum следует вести с учетом исследований римского пограничья в других регионах империи. Новейшая историография данной проблематики позволяет поместить частный случай римской Британии и ее пограничья в общий контекст военно-политического и социально-экономического развития римских территорий, рассмотреть их как особый исторический феномен²¹. В статье Бриза, обобщающей высказанные в научной литературе точки зрения, приводится 21 возможная причина создания и использования римлянами укрепленных границ (впрочем, некоторые из них можно было бы объединить, сократив столь внушительный список без ущерба для сути). Многообразие высказанных мнений напрямую связано с существующим разнообразием взглядов на более общие вопросы: о характере внешней (а порой и внутренней) политики императора Адриана, о военной истории пограничных регионов империи и эволюции римского военного дела. Это многообразие помогает лучше разобраться в вопросах военного дела, в специфике и сущности взаимодействия римских войск с местным населением.

Вероятно, наиболее популярным среди неакадемической публики остается мнение, что лимес в Британии был создан для укрепления и защиты границ от нападений извне²². Даже беглого взгляда на современную историографию стены достаточно, чтобы увидеть, что в новейших публикациях эта позиция не является главенствующей (хотя и встречается), а сама проблема оказывается более сложной и требует применения комплексного подхода²³.

Более обоснованным и значимым нам представляется мнение о том, что стена предназначалась для укрепления статуса империи и самого императора. Данная версия основана на гипотезе, что создание стены было ответом на расширение императором Траяном границ империи в разных направлениях. Адриан же становится умиротворителем, который подчеркивает этим строительством свою новую политику, стремление удерживать ранее приобретенные территории, а не завоевывать новые. Подобное решение могло быть также отражением символической

²⁰ Вегетий (I. 26) пишет от том, что вал обычно располагался за границей лагеря при строительстве укреплений. Также и в случае Верхнегермано-регийского лимеса насыпь была с внешней стороны.

²¹ Существенный вклад в развитие этого направления исследований вносит конференция *Limes: Congress of Roman Frontier Studies*, которая проводится регулярно с 1949 г. Именно здесь встречаются исследователи регионов империи, занимающиеся различными аспектами истории римского лимеса.

²² Daniels 1979, 360; Bidwell 2005, 74; 2008, 142; Breeze 2011, 189–190; Hanson 2014, 7–8.

²³ Наиболее подробно о различных методах исследования применимо к британской границе пишут Саймондс и Мэйсон. См. Symonds, Mason 2009.

значимости постройки, оно демонстрировало силу и мощь империи²⁴. Сделать эту версию более убедительной могут дальнейшие исследования, направленные на прояснение контекста создания лимеса, в частности, установление хронологии планирования, строительства и переоборудования Адрианова вала.

В целом в современной историографии вопроса заметно стремление не утверждать единственно правильную точку зрения, но обращать внимание на самые разные факторы (включая те, которые могут казаться несущественными), собирая сложную и не до конца ясную мозаику. Именно поэтому в новейших публикациях встречаются и рассуждения о роли границ империи и вала—границы Британии как средства защиты от масштабной агрессии извне²⁵ и предотвращения одиночных рейдов и нападений со стороны варваров²⁶, и предположения об использовании римских укреплений в качестве пропускных пунктов с целью контроля за перемещениями населения²⁷, а гипотезы о вале как преграде и непосредственной защите приграничных дорог соседствуют с версиями о стенах как символах власти и силы империи²⁸.

При этом, судя по имеющимся данным, оборонительная функция стены все-таки не была основной. Материалы археологии не дают оснований утверждать о проявлениях особенной или усилившейся агрессии со стороны местного населения. Более того, есть основания полагать, что некоторые племена оказывали помощь при строительстве²⁹. Против приоритета оборонительной версии свидетельствует и тот объем усилий (физических, логистических, финансовых), которые были необходимы при создании укреплений подобного масштаба. Исследователи, занимающиеся изучением и реконструкцией практической стороны процесса создания укреплений, указывают на длительность проекта (что логично при его размерах)³⁰. Привлеченные к строительству легионы не могли выполнять свои непосредственные обязанности, что позволяет ряду исследователей предполагать, что одним из мотивов создания укреплений стены и *vallum* было стремление держать войска в форме и не допускать падения дисциплины в условиях отсутствия внешней угрозы³¹. В целом можно надеяться, что дальнейшие археологические исследования не только в количественном смысле обогатят имеющийся в нашем распоряжении корпус источников (прежде всего памятников материальной культуры), но и помогут совершить качественный прорыв в понимании ключевых вопросов сооружения, развития и функционирования системы укреплений на северной границе Римской империи.

²⁴ Everitt 2009, 225.

²⁵ Daniels 1979, 360; Bidwell 2005, 74; 2008, 142; Shotter 1996, 70.

²⁶ Bidwell 2005, 74; Breeze 2011, 189–190; Hanson 2014, 7–8; Graafstal, 92–93.

²⁷ Breeze, Dobson 2000, 40; Cherry 1998, 59–66.

²⁸ Sommer 2015, 50–51; Robertson 1979, 34; Crow 1991, 59; Driessen 2005; Mattingly 2006, 158; DeLaine 2002, 220–221; Breeze, Ferris 2016, 27–29.

²⁹ Hingley 2012, 20.

³⁰ Hill 2003, 52–53.

³¹ James 2013, 159.

АДРИАНОВ ВАЛ И ПРОЦЕССЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОВИНЦИИ

Эволюция в понимании социокультурной истории Адрианова вала тесно связана с начавшимся в конце прошлого столетия пересмотром устоявшихся взглядов на трансформацию Британии под римской властью. Эти изменения в историографии, в свою очередь, были частью более широкого процесса критического переосмысления феномена римского империализма³². Традиционно все многообразие процессов взаимодействия культур объединялось понятием «романизация», которое в подавляющем большинстве случаев трактовалось как влияние Рима на местное население, постепенное приобщение бриттов к образу жизни империи³³. Вся территория, подконтрольная Риму, делилась на две части: милитаризованные север и северо-запад острова и мирные, «гражданские» области юга и юго-востока. Романизация юга и юго-востока была связана с распространением городов и вилл, развитием экономики и торговых связей с континентом, деятельностью прокураторов. На севере и северо-западе важнейшее значение для распространения имперского образа жизни имели гарнизоны, расквартированные вдоль Адрианова вала, в легионных лагерях (прежде всего в Йорке и Честере) и других укрепленных пунктах. В такой картине Адрианов вал представлял оплотом римской военной мощи, границей между упорядоченной жизнью Римской державы и дикими пространствами варварского мира, пределом распространения империи и цивилизации³⁴.

Критический пересмотр традиционной концепции «романизации» в новейшей историографии римской Британии привел к изменению взглядов как на север провинции в целом, так и на Адрианов вал. Жесткие дихотомии «север/юг», «военный/гражданский» перестали доминировать в пространстве научного поиска, а исследователи все чаще стали обращать внимание на сложный, гетерогенный, нелинейный и динамичный характер социокультурных процессов в провинции³⁵. В центре внимания современных исследователей оказываются идентичности обитателей вала и прилегающих территорий, проблемы взаимодействия различных сообществ, существовавших в регионе, а также результаты этого взаимодействия, которые во многом предопределили специфику развития севера провинции в позднеримскую эпоху³⁶.

³² Важные соображения о римском и современном империализме см. Mattingly 2011, 3–42 (в частности, о границах империи и пограничных территориях: 20–24, 27).

³³ Краткий историографический обзор общих тенденций развития историографии римской Британии см. Baryshnikov 2012.

³⁴ В качестве примера можно указать на соответствующие разделы в классической книге Шеппарда Фриэра (Frere 1991, 105–153).

³⁵ Mattingly 2006, 132–166. О привычной для римско-британских исследований дихотомии «военный север/гражданский юг» см. Sargent 2002.

³⁶ Отметим, что немалую роль в формировании новых теоретических подходов сыграли регулярные конференции по теоретической римской археологии, которые за 30 лет превратились из сугубо британского мероприятия в научное событие европейского масштаба. Именно в рамках этой конференции озвучивались и обсуждались многие идеи, впоследствии попавшие в историографический мейнстрим (в том числе идентичность и глобализация). Ряд докладов, опубликованных по итогам конференций, был связан с теоретическими аспектами изучения Адрианова вала. См., например, Kurchin 1995; Collins 2008.

В целом можно выделить два основных направления в изучении социокультурной истории Адрианова вала. Они тесно связаны, однако отличаются углом зрения. В одном ученые обращаются к людям и сообществам (в частности, к изучению диаспор, отдельных вексилляций), исследуют индивидуальные и коллективные идентичности обитателей приграничных земель и формы их социальной активности. В другом преимущественное внимание уделяется особенностям пространства и сетей взаимодействия, существовавших на севере Британии.

Важнейшую роль в первом направлении играют эпиграфические свидетельства и данные археологии, с помощью которых можно реконструировать как идентичности отдельных индивидов³⁷, так и коллективные идентичности отдельных сообществ и социальных групп³⁸. В частности, для изучения гарнизона Адрианова вала особое значение имеет корпус текстов из форта Виндоланда (современный Честерхолм)³⁹.

Пожалуй, наиболее наглядно этот подход представлен в статье Клэр Несбитт, посвященной мультикультурализму Адрианова вала⁴⁰. Опираясь на анализ надписей, связанных с подразделениями, расквартированными вдоль вала, и памятников материальной культуры (в частности, керамических комплексов), Несбитт показывает, как в районе Адрианова вала происходило динамическое, сложное взаимодействие различных идентичностей⁴¹. Именно в этом взаимодействии выходцев из континентальной Европы, Северной Африки и ближнего Востока, служивших в гарнизоне Адрианова вала, торговцев, странствующих ремесленников, представителей провинциальной администрации, рабов и местного населения складываются новые, гибридные идентичности пограничья, развиваются новые формы материальной культуры и саморепрезентации⁴². Разнообразие и комплексный характер идентичностей индивидов и сообществ Адрианова вала позволяет Несбитт

³⁷ Примером может служить надгробие Регины из племени катувеллаунов, установленное ее мужем, Баратом из Пальмиры (*RIB* I. 1065).

³⁸ В качестве примеров этого направления исследований можно назвать работы Роба Коллинза, Эндрю Гарднера, Ричарда Хингли: Collins 2006; 2008; Gardner 2007a; Hingley 2010. О надгробии Регины и проблеме реконструкции идентичностей см. Noy 2010, 18; Nesbitt 2016, 238; Mattingly 2004, 11, tab. 1. Новейшую публикацию текста надгробия с переводом и кратким комментарием см. в недавно вышедшей книге Роджера Томлина: Tomlin 2018, 223–224.

³⁹ О Виндоланде и ее текстах, позволяющих изучить различные аспекты службы и повседневной жизни гарнизона форта (который поочередно составляли когорты батавов и тунгров), см. Bowman 1994; Birley A. R. 2002b; Birley R. 2009; Sadovskaya 1988. Корпус надписей Виндоланды регулярно пополняется новыми находками — см., в частности, Bowman *et al.* 2010; 2011; 2019. История римского форта и его гарнизона, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, и, как мы надеемся, в ближайшее время отечественное антиковедение уделит ему должное внимание.

⁴⁰ Nesbitt 2016.

⁴¹ Nesbitt 2016, 233–238, 240.

⁴² В новейших исследованиях позднего доримского железного века севера Британии справедливо подчеркивается, что местные сообщества не обладали той степенью единства и централизации, что заметна в реконструкциях, основанных на свидетельствах античных источников. Изменчивый и сложный мир бриттских сообществ по ту сторону стены по-разному взаимодействовал с римской стороной пограничья. См. Hunter 2016, 179–182.

сделать вывод о космополитичном характере населения пограничного региона и обозначить множественность идентичностей (локальных и общеимперских, этнических и культурных, социальных и политических), хорошо заметную в материальной культуре и эпиграфике, термином «мультикультурализм»⁴³.

Кроме того, стоит отметить, что исследования в этом направлении не сводятся к простому статичному описанию населения приграничной зоны с точки зрения этнокультурной принадлежности и социальных статусов. Ученые стремятся реконструировать и понять динамику формирования и изменения идентичностей индивидов и сообществ.

В исследованиях, посвященных территориально-пространственным аспектам взаимодействия римлян с местным населением, делается особый акцент на сущности имперских границ. Как показано в работах Ричарда Хингли и Ричарда Хартиса, Роберта Уитчера, Эндрю Гарднера и других авторов, границы и прилегающие к ним территории не стоит рассматривать как труднопреодолимые барьеры, отделявшие империю от варваров⁴⁴. Напротив, они были не только (и, возможно, не столько) зонами отчуждения и разграничения, сколько пространством взаимодействия⁴⁵. Это взаимодействие, в свою очередь, нельзя сводить исключительно к войне и дипломатии. В районе Адрианова вала, с самого момента его строительства, формировались сети экономических, социальных, культурных и политических контактов, в которые вовлекались обитатели, оказавшиеся по обе его стороны. Как видно из новейших публикаций, важные стороны романо-британских взаимоотношений в приграничье можно реконструировать с опорой на археологические данные (особенно показательными оказываются металлические артефакты римского производства, ареалы распространения которых выходят далеко за пределы Адрианова вала)⁴⁶.

В целом распространение данных подходов к изучению социокультурной истории Адрианова вала означает усложнение и детализацию интерпретаций процессов, происходивших в северном приграничье провинции. Традиционный взгляд, предполагавший прямое взаимодействие двух крупных гомогенных этносоциальных образований – римского гарнизона вала и бриттских племен севера, постепенно сменяется новыми реконструкциями, в центре которых находятся сложные сети разнообразных контактов между множеством гетерогенных сообществ (воинскими подразделениями, провинциалами, разнообразными группами местного населения). Впрочем, нужно отметить, что процесс смены парадигм в изучении данных аспектов существования Адрианова вала пока далек от завершения. Исследователи совершенствуют методологию и активно обсуждают концептуальные аспекты работы, а в научных и научно-популярных публикациях хорошо известный нарратив соседствует с элементами новой картины жизни северной границы провинции⁴⁷.

⁴³ Nesbitt 2016, 225.

⁴⁴ Collins 2012, 9–35; Hingley, Hartis 2011; Gardner 2007b; 2017b. О теоретическом обосновании новых теоретических подходов к интерпретации пространства и материальном мире Адрианова вала см. Hingley 2008; Witcher *et al.* 2010.

⁴⁵ Hingley, Hartis 2011, 79, n. 2; Gardner 2017b, 37–41; Hunter 2016, 186–189, 192.

⁴⁶ Hunter 2016.

⁴⁷ Так, вполне традиционный образ социокультурной истории Адрианова вала можно обнаружить в недавних вышедших книгах Эдриана Голдсуорси и Патриции Саузерн:

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ:
ИСТОРИЯ АДРИАНОВА ВАЛА И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ

Современным исследователям римской Британии присуще стремление актуализировать изучаемые вопросы, рассматривать их в тесной связи с существующими политическими и социокультурными проблемами⁴⁸. Оговоримся, что речь идет не о намеренной идеологизации и политизации научного поиска. Перед нами попытки, с одной стороны, понять современность через обращение к прошлому, а с другой — отделить историческую действительность от искажений, которые непроизвольно порождает сознание современных ученых и читателей. Стоит также помнить, что проблемы истории римской Британии, для отечественного читателя представляющие сугубо научный интерес, в самой Британии могут становиться частью публичного дискурса и напряженных общественных дискуссий, в том числе о проблемах неравенства, ксенофобии и расизма⁴⁹.

Работы, посвященные Адрианову валу, не составляют исключения. Среди важных для современного британского общества и академического сообщества вопросов особенно выделяются два. Во-первых, вопрос об интерпретации и популярной репрезентации этнокультурных аспектов жизни Адрианова вала в современной мультикультурной Британии⁵⁰. Здесь движение от упрощенной реконструкции, характерной для предшествующих этапов развития науки, к сложной картине взаимодействия представителей разных культур и этносов оказывается созвучно изменениям в современной Британии, которые порождены новейшей политикой и противоречивым имперским наследием. Вопрос об исторической достоверности и характере «мультикультурализма» приграничья резонирует с болезненными и спорными для общества темами — миграцией и жизнью диаспор, расизмом, джингоизмом и толерантностью. Научный поиск оказывается тесно связан с социально значимым высказыванием. Подобное взаимопроникновение академического и общественного дискурсов проявляется уже на уровне формулировки категориального аппарата исследования. Возможно, наиболее ярким примером здесь может служить проблематизация понятия «мультикультурализм» в контексте истории Адрианова вала в уже упоминавшейся работе Несбитт⁵¹. Столь же неслучаен и общественно значим особый интерес к изучению

Goldsworthy 2018, 92–129; Southern 2016. Важные размышления и конкретные замечания по методологии изучения Адрианова вала содержатся в коллективной монографии, вышедшей под редакцией Мэтта Симондса и Дэвида Мэйсона: Symonds, Mason 2009.

⁴⁸ Gardner 2018.

⁴⁹ Один из наиболее свежих примеров — скандал из-за образовательного мультфильма BBC, в котором один из персонажей был изображен африканцем. В споре, в котором помимо множества анонимных и не очень пользователей интернета, приняли участие профессор и популяризатор античной истории Мэри Бирд и известный писатель и специалист в области финансов и статистики Нассим Талеб. Ожесточенный характер дискуссии показал, что вопрос о цвете кожи обитателей римской Британии оказывается болезненным для современной аудитории.

⁵⁰ Witcher 2010a; 2010b.

⁵¹ Nesbitt 2016, 225.

и публичной репрезентации (в том числе в музейных экспозициях) выходцев из Африки, оказавшихся в провинции и пограничных регионах⁵².

Проблема функционального назначения, экономической и социокультурной роли Адрианова вала в развитии окружающих территорий (и провинции в целом) оказывается вторым сюжетом, заставляющим исследователей смотреть не только на прошлое, но и на настоящее. Общественно-политическая основа такого интереса вполне очевидна — споры вокруг Брекзита, попытки контролировать миграцию и навязчивое стремление целого ряда стран отгородиться от соседей вдохновляют ученых обращаться к анализу исторического феномена границы и пограничья⁵³. Речь в подобных работах не идет о буквальном сопоставлении границ Римской империи и государств новейшего времени⁵⁴. Современный опыт существования и изучения границ и приграничных территорий используется как стимул для поиска новых исследовательских сюжетов и своеобразное напоминание о том, что реальная жизнь приграничья представляет собой сложный комплекс взаимодействий и взаимоотношений между сообществами, разделенными искусственно созданными барьерами.

Сильные и слабые стороны столь «неравнодушного» подхода вполне очевидны. С одной стороны, актуализация вопросов прошлого в контексте современности предопределяет неизменную популярность Адрианова вала среди исследователей, вдохновляет на анализ не только военно-политических, но и социокультурных аспектов жизни на северном рубеже римского мира. С другой — подобный *modus operandi* ученого, сколь бы искренним он ни был, создает условия для идеологизации науки, подмены фундированных выводов ангажированными суждениями⁵⁵.

В целом представляется, что обозначенная тенденция актуализации научных поисков, тесного переплетения общественного, личного и академического в интерпретациях истории Адрианова вала (и римской Британии в целом) будет лишь усиливаться, не в последнюю очередь из-за сложной политической обстановки внутри самой Британии и в мире. Смогут ли исследователи избежать ловушек идеологии и субъективизма — вопрос, на который ответа пока нет.

Нетрудно заметить, что изучение Адрианова вала и связанных с ним сюжетов составляет особое, активно развивающееся направление в римско-британских штудиях. Скорость, с которой исследователи совершенствуют методологию работы, меняют теоретические подходы и обнаруживают новые аспекты уже привычных проблем, создает ощущение, что мы присутствуем при смене историографических парадигм и трансформации популярного образа римской границы

⁵² Eckardt 2014, 66–67. См. также Nesbitt, Tolia-Kelly 2009; Olusoga 2016, 29–33.

⁵³ См., в частности, Gardner 2017a. Стоит отметить, что обращение к современным для исследователей реалиям наблюдалось и раньше — примером может служить классическая работа С. Дайсона (Dyson 1985).

⁵⁴ Gardner 2017a, 18.

⁵⁵ Впрочем, стоит сказать, что здесь оказывается полезной (пусть и отчасти) авторская рефлексия. Честно обозначив свои личные принципы и ценностные установки, исследователь помогает читателю точнее воспринять само исследование. См., например, признание Гарднера о влиянии Брекзита на его работы, посвященные пограничным зонам римской Британии: Gardner 2017a, 19.

провинции. Эти перемены, диктуемые как развитием самой науки, так и широким общественным контекстом, пока далеки от завершения, хотя некоторые результаты – в частности, появление более сложной реконструкции социокультурной стороны жизни Адрианова вала – уже очевидны. Дальнейшая эволюция данного направления римско-британских исследований может качественно изменить наши представления не только о жизни северных пограничных областей, но и об истории всей провинции.

Литература / References

- Baryshnikov, A.E. 2012: [Roman Britain and the problem of romanization: crisis of a traditional concept and the discussion about new approaches in contemporary British scholarship]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod] 6/3, 200–211.
- Барышников, А. Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6/3, 200–211.
- Bidwell, P. 2005: The system of obstacles on Hadrian's Wall: their extent, date and purpose. *Arbeia Journal* 8, 53–76.
- Bidwell, P. 2008: Did Hadrian's Wall have a wall-walk? In: P. Bidwell (ed.), *Understanding Hadrian's Wall: Papers from a Conference Held at South Shields, 3rd-5th November 2006*. Kendal, 129–143.
- Birley, A.R. 2002a: Fifty years of Roman frontier studies. In: P. Freeman, J. Bennett, Z.T. Fiema, B. Hoffmann (eds.), *Limes XVIII: Proceedings of the XVIIIth International Congress of Roman Frontier Studies, held in Amman, Jordan (September 2000)*. Vol. I. (BAR International Series, 1084). Oxford, 1–11.
- Birley, A.R. 2002b: *Garrison Life at Vindolanda: A Band of Brothers*. Stroud.
- Birley, R. 2009: *Vindolanda: Everyday Life on Rome's Northern Frontier*. Stroud.
- Bowman, A.K. 1994: *Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and Its People*. New York.
- Bowman, A.K., Thomas, J.D., Tomlin, R.S.O. 2010: The Vindolanda writing-tablets (Tabulae Vindolandenses IV, pt. 1). *Britannia* 41, 187–224.
- Bowman, A.K., Thomas, J.D., Tomlin, R.S.O. 2011: The Vindolanda writing-tablets (Tabulae Vindolandenses IV, pt. 2). *Britannia* 42, 113–144.
- Bowman, A.K., Thomas, J.D., Tomlin, R.S.O. 2019: The Vindolanda writing-tablets (Tabulae Vindolandenses IV, pt. 3): new letters of Iulius Verecundus. *Britannia* 50, 225–251.
- Breeze, D.J. 2006: *J. Collingwood Bruce's Handbook to the Roman Wall*. Newcastle upon Tyne.
- Breeze, D.J. 2011: *The Frontiers of Imperial Rome*. Barnsley.
- Breeze, D.J. 2014: *Hadrian's Wall: A History of Archaeological Thought*. Kendal.
- Breeze, D.J. 2015: The vallum of Hadrian's Wall. *Archaeologia Aeliana*. Series 5. 44, 1–30.
- Breeze, D.J. 2017: The placing of the forts on Hadrian's Wall. *Archaeologia Aeliana*. Series 5. 46, 21–39.
- Breeze, D.J. 2018: The value of studying Roman frontiers. *Theoretical Roman Archaeology Journal* 1. URL: <https://traj.openlibhums.org/article/id/3995/>; дата обращения: 06.04.2021.
- Breeze, D.J., Dobson, B. 2000: *Hadrian's Wall*. London.
- Breeze, D.J., Ferris, I. 2016: They think it's all over. The face of victory on the British frontier. *Journal of Conflict Archaeology* 11/1, 19–39.
- Buck, T., Greene, E.M., Meyer, A., Barlow, V., Graham, E. 2019: The body in the ditch: alternative funerary practices on the northern frontier of the Roman Empire? *Britannia* 50, 203–224.
- Cherry, D. 1998: *Frontier and Society in Roman North Africa*. Oxford.
- Collins, R. 2006: Late Roman frontier communities in Northern Britain: A theoretical context for the 'end' of Hadrian's Wall. In: B. Croxford, H. Goodchild, J. Lucas, N. Ray (eds.), *TRAC 2005: Proceedings of the Fifteenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Birmingham 2005*. Oxford, 1–11.

- Collins, R. 2008: Identity in the frontier: theory and multiple community interfacing. In: C. Fenwick, M. Wiggins, D. Wythe (eds.), *TRAC 2007: Proceedings of the Seventeenth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, London 2007*. Oxford, 45–52.
- Collins, R. 2012: *Hadrian's Wall and the End of Empire. The Roman Frontier in the 4th and 5th Centuries*. London–New York.
- Collins, R., McIntosh, F. (eds.) 2014: *Life in the Limes: Studies of the People and Objects of the Roman Frontiers Presented to Lindsay Allason-Jones on the Occasion of her Birthday and Retirement*. Oxford.
- Collins, R., Symonds, M. (eds.) 2013: *Breaking down Boundaries: Hadrian's Wall in the 21st Century*. Portsmouth.
- Collins, R., Symonds, M. (eds.) 2019: *Hadrian's Wall 2009–2019. A Summary of Excavation and Research prepared for the Fourteenth Pilgrimage of Hadrian's Wall, 20–28 July 2019*. Kendal.
- Crow, J.G. 1991: A review of current research on the turrets and curtain of Hadrian's Wall. *Britannia* 22, 51–63.
- Daniels, C. 1979: Fact and theory on Hadrian's Wall. *Britannia* 10, 357–364.
- DeLaine, J. 2002: The Temple of Hadrian and Cyzicus and Roman attitudes to exceptional construction. *Papers of the British School at Rome* 70, 205–230.
- Driessen, M. 2005: Monumentality for Roman Nijmegen. In: Z. Visy (ed.), *Limes XIX. Proceedings of the XIXth International Congress of Roman Frontier Studies Held in Pécs, Hungary, September 2003*. Pécs, 315–322.
- Dyson, S.L. 1985: *The Creation of the Roman Frontier*. Princeton.
- Eckardt, H. 2014: *Objects and Identities: Roman Britain and the North-Western Provinces*. Oxford.
- Eckardt, H., Müldner, G., Speed, G. 2015: The late Roman field army in Northern Britain? Mobility, material culture and multi-isotope analysis at Scorton (N Yorks). *Britannia* 46, 191–223.
- Everitt, A. 2009: *Hadrian and the Triumph of Rome*. New York.
- Fieber, K.D., Mills, J.P., Peppas, M.V., Haynes, I., Turner, S., Turner, A., Douglas, M., Bryan, P.G. 2017: Cultural heritage through time: A case study at Hadrian's Wall, United Kingdom. *International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*. Vol. XLII-2/W3, 297–302.
- Frere, S. 1991: *Britannia: A History of Roman Britain*. London.
- Gardner, A. 2007a: *An Archaeology of Identity: Soldiers and Society in Late Roman Britain*. London–New York.
- Gardner, A. 2007b: Fluid frontiers: cultural interaction on the edge of empire. *Stanford Journal of Archaeology* 5, 43–60.
- Gardner, A. 2017a: Brexit, boundaries and imperial identities: a comparative view. *Journal of Social Archaeology* 17/1, 3–26.
- Gardner, A. 2017b: Roman Britain from the outside: comparing western and northern frontier cultures. In: S. Gonzalez Sanchez, A. Guglielmi (eds.), *Romans and Barbarians beyond the Frontiers: Archaeology, Ideology and Identities in the North*. (Themes in Roman Archaeology, 1). Oxford, 34–47.
- Gardner, A. 2018: Power, knowledge and the past. *Antiquity* 92 (366), 1662–1664.
- Goldsworthy, A. 2018: *Hadrian's Wall: Rome and the Limits of Empire*. London.
- Graafstal, E. 2018: What happened in the Summer of AD122? Hadrian on the British frontier – archaeology, epigraphy and historical agency. *Britannia* 49, 79–111.
- Hanson, W.S. 2014: The nature and function of Roman frontiers revisited. In: R. Collins, F. McIntosh (eds.), *Life in the Limes: Studies of the People and Objects of the Roman Frontiers Presented to Lindsay Allason-Jones on the Occasion of her Birthday and Retirement*. Oxford, 4–10.
- Hill, P.R. 2003: *The Construction of Hadrian's Wall*. Doctoral thesis, Durham University. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/1071/>; дата обращения: 06.04.2021.
- Hill, P.R. 2006: *The Construction of Hadrian's Wall*. Stroud.
- Hingley, R. 2008: Hadrian's Wall in theory: pursuing new agendas? In: P. Bidwell (ed.), *Understanding Hadrian's Wall: Papers from a Conference Held at South Shields, 3rd–5th November 2006*. Kendal, 25–28.
- Hingley, R. 2010: Tales of the frontier: diasporas on Hadrian's Wall. In: H. Eckardt (ed.), *Roman Diasporas: Archaeological Approaches to Mobility and Diversity in the Roman Empire*. Portsmouth, 227–243.
- Hingley, R. 2012: *Hadrian's Wall: A Life*. Oxford.

- Hingley, R., Hartis, R. 2011: Contextualizing Hadrian's Wall: the wall as 'debatable lands'. In: O. Hekster, T. Kaizer (eds.), *Frontiers in the Roman World: Proceedings of the Ninth Workshop of the International Network Impact of Empire (Durham, 16–19 April 2009)*. Leiden, 79–96.
- Hodgson, N. 2017: *Hadrian's Wall. Archaeology at the Limit of Rome's Empire*. Ramsbury.
- Hunter, F. 2016: Beyond Hadrian's Wall. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 179–202.
- James, S. 2013: *Rome and the Sword*. London.
- Kurchin, B. 1995: Romans and Britons on the northern frontier: a theoretical evaluation of the archaeology of resistance. In: P. Rush (ed.), *Theoretical Roman Archaeology: Second Conference Proceedings*. Aldershot, 124–131.
- Mattingly, D. 2004: Being Roman: expressing identity in a provincial setting. *Journal of Roman Archaeology* 17, 5–25.
- Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire, 54 BC – AD 409*. London.
- Mattingly, D. 2011: *Imperialism, Power and Identity: Experiencing the Roman Empire*. Princeton–Oxford.
- Nesbitt, C. 2016: Multiculturalism on Hadrian's Wall. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 224–244.
- Nesbitt, C., Tolia-Kelly, D.P. 2009: Hadrian's Wall: Embodied archaeologies of the linear monument. *Journal of Social Archaeology* 9/3, 368–390.
- Noy, D. 2010: Epigraphic evidence for immigrants at Rome and in Roman Britain. In: H. Eckardt (ed.), *Roman Diasporas: Archaeological Approaches to Mobility and Diversity in the Roman Empire*. Portsmouth, 13–26.
- Olusoga, D. 2016: *Black and British: A Forgotten History*. London.
- Pitts, M., Versluys, M.J. (eds.) 2014: *Globalisation and the Roman World: World History, Connectivity, and Material Culture*. Cambridge.
- Robertson, A.S. 1979: *The Antonine Wall. A Handbook to the Roman Wall between Forth and Clyde and a Guide to its Surviving Remains*. Glasgow.
- Sadovskaya, M.S. 1988: [Roman fort at Vindolanda. To the question of romanization of Britain in the first century A.D.]. In: V.M. Strogetskiy (ed.), *Iz istorii antichnogo obshchestva [From the History of Ancient Society]*, 71–81.
- Садовская, М.С. Римский форт Виндоланда. К вопросу о романизации Британии в I в. н.э. В сб.: В.М. Строецкий (ред.), *Из истории античного общества*. Горький, 71–81.
- Sargent, A. 2002: The North-South divide revisited: Thoughts on the character of Roman Britain. *Britannia* 33, 219–226.
- Shotton, D. 1996: *The Roman Frontier in Britain: Hadrian's Wall, the Antonine Wall and Roman Policy in the North*. Preston.
- Sommer, S. 2015: No way to go? Gates and gaps in the Raetian Wall. In: D.J. Breeze, R.H. Jones, I.A. Oltean (eds.), *Understanding Roman Frontiers. A Celebration for Professor Bill Hanson*. Edinburgh, 37–53.
- Southern, P. 2016: *Hadrian's Wall. Everyday Life on a Roman Frontier*. Stroud.
- Symonds, M.F.A., Mason, D.J.P. (eds.) 2009: *Frontiers of Knowledge: A Research Framework for Hadrian's Wall, Part of the Frontiers of the Roman Empire World Heritage Site*. Vol. I–II. Durham.
- Tomlin, R.S.O. 2018: *Britannia Romana: Roman Inscriptions and Roman Britain*. Oxford.
- Welfare, H.G. 2013: A Roman camp, quarries, and the vallum at Shield-on-the-Wall (Newbrough). *Archaeologia Aeliana*. Ser. 5. 42, 81–99.
- Whittaker, C.R. 1994: *Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study*. Baltimore–London.
- Whittaker, C.R. 2004: *Rome and Its Frontiers: The Dynamics of Empire*. London–New York.
- Wilmott, T. (ed.) 2009: *Hadrian's Wall: Archaeological Research by English Heritage 1976–2000*. London.
- Witcher, R. 2010a: The fabulous tales of the common people, part 1: representing Hadrian's Wall. *Public Archaeology* 9/3, 126–152.
- Witcher, R. 2010b: The fabulous tales of the common people, part 2: encountering Hadrian's Wall. *Public Archaeology* 9/4, 211–238.
- Witcher, R., Tolia-Kelly, D.P., Hingley, R. 2010: Archaeologies of landscape: excavating the materialities of Hadrian's Wall. *Journal of Material Culture* 15/1, 105–128.